

**Россия рубежа XIX–XX вв. в травелогах
венгерского писателя Ференца Херцега**

Йожа Дьердь Зольтан

PhD, независимый исследователь

Будапешт, Венгрия

E-mail: jozsagyz@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4803-6286

Цитирование

Йожа Д. З. Россия рубежа XIX–XX вв. в травелогах венгерского писателя Ференца Херцега // Славянский альманах. 2025. № 3–4. С. 269–295. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.14

Статья поступила в редакцию 16.05.2025.

Рецензирование завершено 30.07.2025.

Статья принята к публикации 16.09.2025.

Аннотация

В настоящей работе мы ставим себе целью представить Ференца Херцега русскому читателю, предлагая тщательный разбор нарративов, которые возникли в результате его путешествия по Российской империи в 1900 г. Херцег, подлинный консерватор, знаменитый «писатель-князь», который пользовался огромной популярностью на родине, в Венгрии, в первой половине XX в., был восторженным русофилом, преданным поклонником русской культуры (наряду с его многочисленными соотечественниками, посетившими Российскую империю в данную эпоху). Его путешествие поддержали дипломатические корпуса Австро-Венгерской монархии. Херцега по политическим причинам вычеркнули из венгерского литературного канона в 1945 г., несмотря на то что он не был причастен к политическим или военным преступлениям. В наши дни его творчество заново открывается в науке в Венгрии. Согласно версиям путевых нарративов (путевых очерков и мемуаров), увиденное в империи Николая II оказало на Херцега большое впечатление. Он переоценивал значение политических конфликтов 1849 г. между Россией и Венгрией. Он распознал ключевой, сакральный принцип русской культуры и литературы. И, наконец, он составил глубокий и правдивый отчет о двух началах русской культуры.

Непредвзятый взгляд Херцгеа на Россию, который позже широко отразился в его публицистическом дискурсе, был стимулирован кругом его чтения: он считал Достоевского автором, оказавшим наиболее важное влияние на его собственные сочинения, а также был в восторге от произведений Л. Толстого, Тургенева, Пушкина, Мережковского и Горького. Отдельного внимания заслуживают нетривиальные идеи Херцгеа, имевшего предков – силезских немцев, касательно национальной политики на родине vs в России. Личное знакомство путешественника с русским помещиком, графом Комаровским, чьи родственники занимали ключевые дипломатические и министерские посты, а также беседы с различными людьми в Москве дали Херцгеу возможность ознакомиться с прошлым и настоящим России и составить собственное представление о стране.

Ключевые слова

Путевые очерки, Россия, Ференц Херцгеа, русско-венгерские связи, русская культура, политика России, травелог, национальные стереотипы.

Во втором томе мемуаров, названном «Готический дом» (венг.: *Gótikus ház*, 1939), венгерский писатель Ференц Херцгеа (1863–1954) употребил в отношении Российской империи, которую он объехал чуть ли не за 40 лет до этого, выражение «волнующий анахронизм». Речь шла о сохранявшемся в ней в начале XX в. том «старом порядке» (*ancien régime*), который в Европе давно был уничтожен Французской революцией, а потом волной революционных движений 1848–1849 гг.¹ Россия представляла собой, по мнению Херцгеа, исключение. Демонстрируя личное отношение к описываемой стране, автор обозначает цель написания своего труда: «В этой книге речь пойдет лишь о тех двух странах, которые давно утонули в море времени, – о Турции халифа и о России царя»².

Части мемуаров Ф. Херцгеа, в которых содержатся впечатления от его пребывания в России, отличаются от классики жанра травелога сознательным стремлением к развенчанию широко распространенных национальных стереотипов, к деконструкции мифа

¹ *Herczeg F. A gótikus ház. Budapest, 1940. 176. old.* Переводы цитат из текстов венгерских авторов за исключением специально оговоренных принадлежат автору статьи.

² *Ibid. 60. old.*

об изолированности русской культуры, а также к раскрытию корней данных явлений: «Первым впечатлением, которое овладело путешественником, – вспоминает свой приезд мемуарист, – было то, что Россия хочет импонировать чужестранцам, намеренно желая показаться угрюмой, даже страшной»³. Миклош Шураньи, венгерский романист, автор биографии Херцега, с присущей ему интуицией заметил, насколько определяющими оказались для последнего впечатления от непосредственного контакта с русской культурой, пережитого им во время двухмесячного путешествия в 1900 г.⁴ Пережитый опыт, конечно, несколько отличался от идеала, составленного до начала путешествия. В последнем томе мемуарной трилогии Херцега, *Hűvös-völgy* («Хювёшвёльд», или «Холодная долина»), который был опубликован в Венгрии только после «смены систем», в 1993 г., первый абзац неслучайно заканчивается указанием на Россию как на исходную точку значимых политических событий в Европе и центр социального взрыва: приход к власти пролетариата в стране с населением 180 млн человек стало для него «неприятным сюрпризом» вроде «ощущения мурашек по коже»⁵. Важно отметить, что это краткое суждение не включает в себя слово «революция», поскольку внимание мемуариста не фокусируется на общественно-политических аспектах развития страны. Херцег далее вполне рационально и недвусмысленно резюмирует, что стратегический потенциал России был недооценен на Западе, скорее всего намекая на поверхностные внушения, звучавшие в прессе Австро-Венгерской монархии: «Все-таки нельзя было верить, что с Россией можно расправиться одной штыковой атакой»⁶. Предчувствия Херцега оправдались, концовка книги отсылает буквально к этой же теме, и здесь прослеживается принцип «кольцевой композиции» не только самой книги, но и исторического процесса: в заключительном пассаже, оформленном в виде дневниковой записи, сообщается о событии рождественского утра 25 декабря 1944 г., когда в двери виллы писателя постучался первый русский солдат, стройный, крепкий, краснощекий от холода, показавшийся Херцегу «живым отрицанием» ложной «пропаганды Геббельса». Писатель расценил свою первую встречу с русским солдатом как «приход Азии», констатируя тем самым полный и окончательный «развал»

3 Ibid. 176. old.

4 *Surányi M.* Herczeg Ferenc: életrajz. Budapest, 1925. 59–60. old.

5 *Herczeg F.* Emlékezései: Hűvös-völgy. Budapest, 1993. 23. old.

6 Ibid. 25. old.

старого мира и рождение «нового». Итоговый вывод его сформулирован как однозначная национальная самокритика: к краху Венгрию привели «негативные черты национального характера»⁷.

Травелог Херцега занимает особое место в ряду книг, статей, мемуаров многочисленных венгерских путешественников, посещавших Российскую империю начиная с первой трети XIX в. Данной теме в 1956 г. посвятил обширную и скрупулезную обзорную статью академик Эмиль Нидерхаузер⁸, но и он, к сожалению, проигнорировал отчеты Ференца Херцега, а также монументальный труд его современника, ученого монаха, графа Петера Вая «Империи и императоры Востока» (1906)⁹. Вай был принят в Петербурге российским императором.

Сначала большинство путешественников из Венгрии (а это были прежде всего ученые – этнографы, лингвисты или историки) ставило своей целью обнаружение прародины венгров и изучение культур родственных народов, поэтому в их трудах относительно мало внимания уделялось описанию впечатлений от России. Однако языковед Бернат Мункачи, приезжавший в Россию в 1880-е годы, критически опроверг фальшивый и односторонний образ России, внушавшийся западноевропейскому читателю травелогам других путешественников, например А. де Кюстином: «Официальный мир России или Сибири, – писал он, – отнюдь не является тем чудовищем, которым он представляется в злонамеренных источниках»¹⁰. Должен быть упомянут и Пал Хунфалви, лингвист, исследователь вопросов угро-финского сравнительного языкознания, член правительства времен национально-освободительной борьбы венгерского народа в 1848–1849 гг., который в свое время с уважением и похвалой отзывался о национальной политике Российской империи в отношении финского меньшинства. Проявления русофобии в общественном мнении Венгрии историк Л. Таллоци справедливо объяснял памятью о горьком опыте 1849 г.¹¹ В этом ряду венгерских путешественников стоит и Ференц Херцег, который при всем своем консерватизме тоже оказался поклонником современной ему России и, более того, не был чужд русофильских настроений.

7 Ibid. 265–266. old.

8 *Niederhauser E. Magyar utazók Oroszországban a XIX. században.* // *Magyar-ország történelmi kapcsolatok* / szerk. Kovács E. Budapest, 1956. 131–168. old.

9 *Vay P., Gróf. Kelet császárai és császárságai.* Budapest, 1906.

10 Цитата приведена по работе Э. Нидерхаузера: *Niederhauser E. Magyar utazók...* 134. old.

11 Ibid. 165. old.

Херцег – писатель с мировым именем, дважды номинировавшийся на Нобелевскую премию, его произведения были переведены на 17 языков, пьесы ставились в театрах разных стран Европы, включая Россию, и США. Однако после 1945 г. творчество «писателя-князя» (так называли Херцега современники) стало замалчиваться, выпало из венгерского национального литературного канона. Этому способствовало сначала его исключение из Венгерской академии наук в 1949 г., а затем кощунственный некролог, опубликованный молодым литературным критиком-коммунистом, югославским венгром Имре Бори. Место Херцега в венгерском литературном процессе, новаторскую роль, как представляется, объективно оценил известный критик А. Шёпфлин, увидевший в его творчестве новое направление в развитии национальной литературы, отход от канонов, созданных классиками предыдущей эпохи – Мором Йокаи и Кальманом Миксатом¹². Можно добавить, что М. Йокаи и К. Миксат доброжелательно относились к молодому прозаику, ценя его не только как талантливого писателя, но и как патриотически настроенного общественного деятеля. Позже с подачи критиков-марксистов за Херцегом надолго закрепился образ идеолога венгерских «джентри» (мелкопоместных дворян) с присущим им узким кругозором и национальной ограниченностью¹³. Новое открытие в Венгрии творчества Ференца Херцега началось лишь недавно.

Предлагаемая нами работа посвящена отражению и осмыслению в творчестве Ф. Херцега его поездки по России в 1900 г. В Отделе рукописей венгерской Национальной библиотеки имени Сеченьи сохранилось письмо от 24 августа 1900 г., выданное писателю Министерством иностранных дел Австро-Венгерской монархии. В нем была определена цель поездки (командировки): изучение благоустройства городов Варшавы, Одессы, Москвы, Санкт-Петербурга и Нижнего Новгорода с санитарно-гигиенической, культурной, экономической точек зрения. Херцег был назван в документе членом парламента. Дипломатическим представительствам Австро-Венгрии на территории Российской империи предписывалось всячески способствовать успешному выполнению писателем своей миссии. Существование такого рода рекомендательного письма, несомненно, исключает чисто туристический характер этого

12 *Schöpflin A. Herczeg Ferenc elbeszélései // Herczeg Ferenc. 80 év / szerk. Kornis Gy. Budapest, 1943. 30. old.*

13 Херцег происходил вовсе не из этого слоя. Его предки были немцами, выходцами из Силезии. Переселившись в Южную Венгрию, они занимались земледелием, держали аптеку. Дорожа своим происхождением, они вместе с тем добросовестно сражались на стороне венгров против Габсбургов.

путешествия¹⁴. Правда, как явствует из мемуаров, Херцег временами отклонялся от прописанного в документе маршрута.

О ходе выполнения порученной Херцегу миссии можно судить по дошедшим до нас двум «отчетам» о путешествии. Первый такой источник – «Письма из России»; это непосредственно отражавшие впечатления автора путевые очерки, заметки, отправленные, по всей вероятности, в виде телеграмм или с помощью курьерской почты в Венгрию еще во время пребывания писателя в России и напечатанные в журнале *Uj Idők* («Новые времена»). Второй – фрагмент текста объемом около 15 страниц в упомянутом втором томе «Воспоминаний»¹⁵. В зеркале этих нарративов многогранную миссию Ф. Херцега можно соотнести с пацифистскими планами Николая II, выступавшего в те годы инициатором всеобщего разоружения. Однако можно предположить, что перед Херцегом стояла задача исследовать мнение российской элиты касательно потенциальных последствий осуществления «идеи триализма»¹⁶. Сторонник реальной политики, Ф. Херцег такие утопические и чреватые новыми конфликтами проекты в то время категорически отвергал¹⁷. Равным образом не хотел про них ничего слышать и крупный венгерский политик той эпохи, будущий премьер-министр Иштван Тиса. Уважение к давним традициям венгерско-польской дружбы и солидарность с поляками живо ощущаются при чтении первой части путевых очерков, где детально и в то же время объективно описывается атмосфера Варшавы, в прошлом столицы независимой Польши, а тогда – города, переполненного русскими войсками. В первую очередь для автора важна мысль о равновесии сил двух держав.

При описании Великого княжества Финляндского важное место Херцег уделил речной прогулке по Сайменскому каналу, великолепному инженерному достижению того времени, которым могла заинтересоваться Австро-Венгерская монархия, вовлеченная, как и Россия, в соперничество европейских держав за новейшие технологии. Венгерский писатель посетил и Выборг, ключевой в стратегическом отношении населенный пункт. Приезду Херцега предшествовал подписанный

14 На этот важный документ обратил мое внимание коллега Болдижар Вёрёш, историк, который пригласил меня на междисциплинарную конференцию, посвященную 160-летию со дня рождения Ф. Херцега в 2023 г., за что пользуюсь случаем принести ему свою искреннюю благодарность.

15 *Herczeg F. A gótikus ház. 176–189. old.*

16 В том ее варианте, в котором считалось возможным присоединение к Австро-Венгерской монархии польских земель, входивших в Российскую империю.

17 *Herczeg F. Emlékezései: Hűvösvölgy. 41. old.*

в 1899 г. Николаем II манифест, ограничивавший автономию Финляндии¹⁸. Реакцией на него явилась петиция «Pro Finlandia», вызвавшая международный отклик. Поскольку Херцег был в числе тех, кто публично выступал за сохранение автономии Финляндии, он опасался, что это скажется на его приеме русскими властями. Впрочем, опасения оказались излишними. Вопросы национальной политики, ее практического осуществления входили в круг интересов Ф. Херцега: он хотел сам все изучить, увидеть своими глазами. На это обратил внимание известный критик Ласло Ч. Сабо в эссе, опубликованном в 1943 г. в сборнике в честь 80-летия Ф. Херцега. Он отметил, что юбиляр, на которого в некоторых кругах в свое время принято было смотреть как на «воплощение реакции», к настоящему времени превратился в «наиболее свободный голос венгерской литературы»¹⁹. Эта непредвзятость проявлялась в деятельности Херцега как критика, рецензента и публициста.

Такой тип мышления отразился и в его взглядах на женский вопрос. В частности, в ранней рецензии на переписку Ги де Мопассана и Марии Башкирцевой он назвал русскую художницу одной из «наиболее интересных женских фигур», которую та «изысканная эпоха» подарила миру²⁰.

В этом кратком отзыве можно уловить сильный интерес к русскому искусству, который сохранялся у Херцега до самой старости. В личной библиотеке писателя²¹ имелись многочисленные книги по русской литературе, культуре, истории России и общим вопросам славяноведения, которые приобретались им с конца XIX в. и вплоть до начала 1940-х годов. И хотя немало изданий из этой коллекции утрачено, из составленной машинописной описи можно установить, что в библиотеке была некая старинная книга на старославянском (церковнославянском) языке. Можно предположить, что Херцег, уроженец области, где проживало много сербов, мог читать церковнославянские тексты. Была в его библиотеке и «Практическая русская грамматика» на венгерском языке, изданная в 1920 г.

18 За русским монархом утверждалось право издавать обязательные к исполнению на территории Финляндии законы без согласования с финляндским сеймом. За ним последовали в 1900–1901 гг. законы о переводе делопроизводства в Финляндии на русский язык и о включении отдельных финских вооруженных сил в состав единой российской армии (*нприм. редакции*).

19 Cs. Szabó L. Sola constantia constans // Herczeg Ferenc. 80 év / szerk. Kornis Gy. Budapest, 1943. 113–114. old. В этом сборнике было опубликовано и поздравление Херцегу от имени регента Венгрии Миклоша Хорти.

20 Herczeg F. Tizenhárom levél // Budapesti Hírlap. 1895. nov. 16. (№ 314). 1–3. old.

21 Ныне хранится в Литературном музее имени Петефи в Будапеште.

Особый интерес Херцег проявлял к русскому роману. Не случайно в его библиотеке можно обнаружить двухтомник известного французского дипломата и историка литературы Э. де Вогиюэ «Русский роман» в венгерском переводе. Во вступлении к описанию поездки по России Ф. Херцег подчеркнул, что именно «через романистику современники имели возможность приблизиться к душе москвитянского человека»²². Написавший целую монографию о Херцеге педагог, философ, психолог, видный деятель культуры эпохи Хорти, ученый монах-пиарист Д. Корниш недаром сравнивал его феномен с «очистительным голосом» Достоевского и Горького²³. Корниш, эрудит и противник любого типа диктатуры, не просто улавливал здесь глубоко вошедший в русскую культуру сакральный, духовный принцип, но также проводил параллели между исканиями русских писателей и мыслью Херцгеа, пытаясь тем самым выявить истоки его русофильства. В анкете журнала *Uj Idők* Херцег еще в начале XX в. назвал Достоевского любимым писателем; в его библиотеку, наряду с романами Л. Н. Толстого и шеститомным изданием сочинений М. Горького, входили и произведения Д. Мережковского, в том числе его сборник эссе «Вечные спутники» (1915). Эти книги имелись у Херцгеа преимущественно в немецких переводах, выходивших в свет раньше венгерских. Д. Корниш небезосновательно проводит параллели между романом «Братья Дьюркович» (1895), принесшим Херцегу популярность в Венгрии, и пьесами А. П. Чехова, в которых присутствовали сцены гибели дворянского сословия²⁴.

Россия действительно пленяла воображение Ф. Херцгеа не только до путешествия, но и после. Поездка на долгие годы дала ему творческие импульсы, побудила к написанию текстов. Первым из них стала статья «Гонведские знамена в Москве» (1903). Автор перебирает в памяти увиденные им несравненные экспонаты Оружейной палаты Московского Кремля, от корон царей и императорских карет до знамен Венгерской революционной армии 1849 г., которые были расположены в выставочном зале напротив знамен французских, захваченных у войск Наполеона²⁵. В другой статье, получившей название «Мечтания в Москве» и, по всей вероятности, ставшей реакцией на внутриполитические бури в России, Херцег, рассуждая об отнюдь не общепринятых представлениях о варварстве «русского

22 *Herczeg F.* A gótikus ház. 177. old.

23 *Kornis G.* Herczeg Ferenc. Budapest, 1944. 87. old.

24 *Ibid.* 83. old. Корниш при этом не упоминает, что данное произведение Херцгеа было создано раньше чеховских пьес.

25 *Herczeg F.* Honvéddzászlók Moszkvában // *Vasárnapi Újság*. 1903. aug. 16. 725. old. Автор упоминает здесь и о 875 пушках, захваченных у войск Наполеона.

медведя», максимально беспристрастно утверждает, что режим императора Николая II вовсе не менее демократичен, чем в странах «немецкого кайзера и венгерского короля» (т. е. Франца Йосифа), и что объявить царя козлом отпущения за грехи всех чиновников было бы слишком простым решением. Затем Херцег как бы мимоходом делает замечание, что слишком «демократичных» царей убивала как раз аристократия (намек, возможно, на зверское убийство императора Павла I). Наперекор собственным прежним представлениям о национальной политике России он все же называет российский императорский двор «шовинистским», но план введения в России конституционного строя при этом отвергает как крайне опасный. Затрагивая тему войн, которые вела Россия, Херцег, открыто проявляя пристрастие к русской народной душе, высказывает мнение, что если бы русские сами управляли своей империей, то страна перестала бы являться угрозой внешнему миру²⁶.

В нашем распоряжении есть множество доказательств увлеченности Херцега русским миром. О политической жизни и культурных событиях России Херцега, по всей вероятности, постоянно уведомлял Эндре Сабо, венгерский переводчик русинского происхождения, многократно путешествовавший по России и лично знавший Л. Толстого. Он стал переводчиком «Преступления и наказания» и «Бесов» Достоевского, а также ряда произведений Пушкина и Лермонтова. Э. Сабо всю жизнь отдал делу распространения русской культуры в Венгрии, его имя было известно и в России. Янка Ногалл, жена Сабо, писательница, педагог, переводчица на венгерский одного из романов Тургенева, тоже поддерживала тесные контакты с Россией, и журнал «Русский вестник» в июльском номере за 1898 г. напечатал на русском языке ее новеллы. Чета активно участвовала в работе Общества Петефи, возглавлявшегося некоторое время Ф. Херцегом; там, возможно, и завязалось их знакомство. Э. Сабо и Я. Ногалл, к тому же, публиковали свои произведения в издательстве «Зингер и Вольфнер», и ему же принадлежал журнал *Uj Idők*, редактором которого был Херцег.

Движение русских нигилистов особенно пленяло воображение Херцега: кроме произведений князя П. А. Кропоткина, в его библиотеке имелся венгерский перевод книги Альфонса Туна «История революционных движений в России»²⁷. Тун, игнорируя то, что термин «нигилизм» обла-

26 *Herczeg F. Moszkvai álmódzások // Az Ujság. 1904. aug. 1. (II). 218. old.*

27 *Thun A. A nihilisták – az orosz forradalmi mozgalmak története / Ford. Szentgyörgyi Vörös Dezső. Budapest, 1894. Немецкий оригинал: «Bilder aus der russischen Revolution – Fürst Kropotkin, Stephanowitsch, Scheljatow».*

дает разными значениями, отождествлял его с подрывной деятельностью революционных движений на территории современной ему России. Год издания венгерского перевода пьесы «Вера, или Нигилисты» О. Уайльда, вдохновленной историей о покушении Веры Засулич на губернатора Трепова, совпадает с датой путешествия Херцега по России.

О неугасимом интересе Херцега к России свидетельствуют многие факты его биографии, в том числе личное знакомство с балетным танцором В. Нижинским, проживавшим преимущественно в Венгрии до конца Второй мировой войны, а также дружба с итальянским дипломатом Черрути. Он женился на актрисе Эржи Паулаи, дочери Эде Паулаи, прославленного актера, драматурга и театрального режиссера, после смерти которого она смотрела на Херцега чуть ли не как на отца. Черрути в 1927–1930 гг. возглавлял итальянское посольство в СССР, а потом из-за конфликта с Наркоминделом был вынужден покинуть Москву. Впоследствии, занимая пост посла Италии в Берлине и Токио, он не порывал контактов с Херцегом. «Голубая лиса», самая популярная, всемирно известная пьеса Херцега, была экранизирована русским эмигрантом, режиссером Виктором Туржанским в Берлине в кинокомпании «УФА» в 1938 г.

Третий том воспоминаний Херцега в особенности изобилует разбросанными замечаниями относительно российской действительности, а также русской литературы: например, детально излагаются обстоятельства и последствия убийства Г. Распутина; размышления о К. Миксате сопровождаются комментарием, что его следует считать «настолько венгерским» писателем, «насколько русскими были Достоевский и Чехов». Иначе говоря, деятели и элементы русской культуры нередко выступали для Херцега в качестве неких постоянных ориентиров при оценке других культурных явлений. В 1936 г., будучи участником одной из так называемых конференций (или конгрессов) Вольта (итал.: *Covegno Volta*), организованных Итальянской королевской академией, Херцег с большим интересом слушал страстную дискуссию между советским театральным режиссером А. Таировым и немецким архитектором, основателем Баухауса В. Гроппиусом, что тоже нашло отражение в его воспоминаниях.

После взятия советской армией Бачки, области на юге Венгрии, Херцег возвратился к чтению произведений Ф. М. Достоевского, а также М. Йокаи, Э. Ади и Аристофана²⁸. Восхваляя заслуги венгерских кафе в распространении культуры, Херцег доходил до того,

28 *Herczeg F. Emlékezései: Hűvösvölgy. 59, 125, 153, 193, 264. old.*

что шуточно «русифицировал» регулярно посещавших эти заведения венгерских писателей, поэтов, журналистов, художников, называя их «дезертирами» жизни, «венгерскими Обломовыми» (при этом герой романа И. А. Гончарова трактовался им не как заслуживающий критики тип ленивого помещика, акцент делался на образе жизни изысканного интеллектуала)²⁹. Продолжая в том же духе, Херцг определил писателя Енё Ракоши как «Тараса Бульбу прессы»³⁰.

Будучи к концу XIX в. уже весьма популярным, известным в Европе прозаиком, Херцг развивал контакты с Россией. Некоторые его новеллы, повести и роман «Болотный цветок» были изданы в русском переводе. Этот факт был упущен даже его скрупулезным библиографом Й. Фицем³¹, в 1944 г. опубликовавшим подробный список публикаций Херцгеа и о Херцге, так что и по сей день эти издания не известны венгерским специалистам. По имеющимся данным, роман «Болотный цветок» стал доступен для русской публики, будучи опубликованным в журнале «Русский вестник», в июльском и августовском номерах за 1897 г.³² Для этого журнала вообще было характерно стремление ознакомить читателей с венгерской культурой: здесь печатались биографические сведения о художнике Микшае Мункачи, прозаические произведения К. Миксата и Я. Ногалл. Херцг продолжал и в дальнейшем, после путешествия в Россию, сотрудничать с «Русским вестником». Так, в декабре 1901 – январе 1902 г. было опубликовано несколько его новых рассказов. Имя переводчика не указано, однако можно сделать предположение о посредничестве Э. Сабо или Я. Ногалл. Интригующая история с переводом и постановкой пьесы «Голубая лиса» после событий 1917 г. в России заслуживает отдельной статьи. Благодаря помощи сотрудников Санкт-Петербургской государственной Театральной библиотеки удалось выяснить, что в ней сохранились машинописные копии данного текста, как и другой пьесы Херцгеа, «Ведьмы Евы»³³.

29 *Herczeg F. A gótikus ház.* 10. old.

30 *Ibid.* 13. old.

31 Ср. длинный список произведений Херцгеа, появившихся в переводах на иностранные языки: *Herczeg Ferenc munkássága / Fitz J. (összeáll).* Budapest, 1944. 262–264, 358–364. old.

32 *Херцг Ф. Болотный цветок // Русский вестник.* 1897. № 7. С. 249–282; № 8. С. 146–182. Позже были опубликованы переводы этого произведения на польский и чешский языки.

33 Считаю своей обязанностью выразить глубочайшую благодарность Елене Анатольевне Андрущенко, д.ф.н., проф., главн. научн. сотр. ИМЛИ им. А. М. Горького РАН за посредничество в получении копий этих драгоценных

Среди публикаций произведений Херцега можно также упомянуть о бесценной библиографической редкости – сборнике восьми новелл в русинском переводе, вышедшем в свет в 1943 г. под названием «Житя, смерть, любовь» в издательстве Подкарпатского общества наук³⁴. Перевод принадлежит перу ученого-лингвиста, преподавателя Краковского университета Ивана Гарайды, ставшего жертвой советской контрразведки в 1944 г. Ф. Херцег, родившийся в городе Вершец (Вршац), в крае со смешанным венгерским, сербским, немецким и румынским населением, и усовершенствовавший венгерский язык лишь проживая в старинном трансильванском городе Темешвар (Тимишоара), питал особый интерес к жизни и культуре национальностей Венгрии и всей монархии Габсбургов уже по причине своего происхождения. Он симпатизировал представителям русинского национального меньшинства, о чем свидетельствуют и соответствующие книги, имевшиеся в его библиотеке.

Публикуя в переводе на русский язык собственные произведения, Херцег сознательно обращался в некоторых из них к использованию «русских» сюжетов или созданию «русских» персонажей. Например, в рассказе «Лозенко» (1908), эксплицитно трактующем философско-этическую проблему преступления и наказания, повествуется о кровавом покушении, теракте и последовавшем за ним судебном процессе. Следует также упомянуть комплексную «русскую линию» в эмблематическом романе «Северное сияние» (1929), в котором получила отражение противоречивая история событий в Венгрии 1918–1919 гг.

В драме «Юлия Сендреи» (1930) главная героиня – жена поэта Шандора Петефи, героя Венгерской революции и антигабсбургской национально-освободительной борьбы 1848–1849 гг. Действие происходит в исторический момент национальной трагедии осени 1849 г., когда страну охватил хаос после капитуляции венгерской революционной армии перед многократно превосходившими ее по численности русскими войсками под командованием генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича. Один из центральных персонажей – загадочный русский офицер, сотрудник посольства Российской империи в Вене князь Трубецкой. Появление благородного, образованного героя представлено в драме

документов и данных, которые собрали Елена Геннадьевна Федяхина (заведующая сектором работы с ретроспективными материалами Отдела справочной и научно-библиографической работы Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки) и ее сотрудники, которым тоже приношу благодарность.

34 *Херцег Ф. Житя, смерть, любовь. Ужгород, 1943.*

как момент искушения для Юлии Сендреи, напрасно ожидавшей с поля битвы мужа, который безвестно исчез после сражения под Шегешваром. Образ русского аристократа, предлагавшего Юлии достать дорожные документы, чтобы она могла бежать в Турцию, вписывается в канву легендарных событий, реконструируемых как возможные элементы дальнейшей судьбы Ш. Петефи. Согласно слухам, поэт якобы попал в русский плен после подавления венгерской освободительной борьбы, работал на свинцовых рудниках Сибири. Некоторые современники, и в том числе близкие друзья Петефи, не исключали, что он жив. Среди них был знаменитый прозаик Мор Йоккаи, который после заключения в 1867 г. австро-венгерского соглашения в одной из статей призвал венгерские власти обратиться с соответствующим запросом к русскому правительству. В личном разговоре с Херцегом Йоккаи мог подать идеи и поделиться с ним конкретными сведениями о Петефи. Хотя мотив супружеской неверности, проявившийся в едва намечившемся чувстве к русскому офицеру, является в драме авторским вымыслом, он все-таки соотносится с биографией поэта: в период медового месяца Ш. Петефи написал хрестоматийное стихотворение «В конце сентября» (1847), где предрек собственную смерть и новый брак вдовы. Драма Херцгеа завершается объемной цитатой из «Евгения Онегина» Пушкина, звучащей в устах прощающегося с Юлией Сендреи князя Трубецкого.

Присутствие «русской темы» в произведениях Ф. Херцгеа можно приписать и беллетристическим стратегиям Сецессиона, для которых весьма типично влечение к экзотике. Однако воззрения писателя свидетельствуют о глубоком интересе к русской культуре.

Путешествие Ф. Херцгеа по России длилось два месяца, за это время он объехал важнейшие города европейской части Российской империи, преодолев огромные расстояния. Он отправился из Варшавы в Санкт-Петербург, оттуда в Выборг, совершил речную экскурсию до Иматры (в Финляндии), немало времени провел в Москве, затем выехал в Нижний Новгород, оттуда в Киев, посетил и Одессу.

К двум вышеупомянутым источникам, в которых Херцг зафиксировал свои впечатления о России, следует добавить и некоторые другие. Еще до «смены систем», в 1985 г., вышло подготовленное историком литературы Белой Неметом Г. издание «Воспоминаний»³⁵, из которого было вычеркнуто опубликованное в 1939 и 1940 гг. описание беседы автора с русским аристократом графом Комаровским,

35 *Herczeg F. Emlékezései / szerk. Németh G. Béla. Budapest, 1985. 358–368. old.*

заворожившим гостя щедрым гостеприимством в 1900 г.³⁶ Можно упомянуть также небольшую заметку М. Шураньи (1925) об итогах путешествия Херцгеа по России и, наконец, рассказ Иштвана Хертеленди, вошедший в сборник «Роман жизни венгерского писателя-князя», подготовленный к его юбилею³⁷. Все эти тексты можно рассматривать как исторические и историко-литературные источники, и каждый из них расставляет свои акценты и имеет свой вес при реконструкции того образа России, который, сложившись в сознании Херцгеа, влиял на формирование взглядов на русскую культуру и историю у самого широкого круга читателей – поклонников его прозы.

Херцег как зоркий свидетель разных эпох венгерской и всемирной истории, успешный дипломат и парламентарий, издатель, редактор многотомного энциклопедического словаря, выдержавшего несколько переизданий, никогда не мог противостоять соблазну выступать в роли документалиста, летописца, стремящегося к верному отражению реальности. Это проявлялось у него не только в публицистике и мемуарах, но и в художественном творчестве – в драмах, романах, фиксирующих нравы и духовные ориентиры современных ему людей, сдвиги в развитии общества. Он пытался философски осмыслить динамику исторического развития человечества. Недаром всемирно известный венгерский прозаик Шандор Марай в статье, посвященной особенностям теоретических сочинений Ф. Херцгеа, четко выделяет «переходный» характер его публицистики, совмещающей в себе специфические черты журналистики и историографии. Однако при всем стремлении к объективности Херцег оставался мастером «холодной страстности»³⁸. Не удивительно поэтому, что уже в первом из «Писем из России» «стандартизированная» схема ознакомления туриста с другой культурой, предлагавшаяся в книгах «К. Бедекера и Майера» (речь идет о книгах популярного в ту эпоху по всей Европе издательства, выпускавшего атласы, путеводители, энциклопедии, карманные туристические словари, в том числе на русском языке), решительно отклонялась, ведь она порождала довольно парадоксальное положение: «Путешественник уже заранее составил суждение о странах и народах, которые он будет видеть»³⁹. Итак, Херцег отда-

36 Ср. тексты: *Herczeg F. A gótikus ház.* 188. old.; *Herczeg F. Emlékezései.* 367. old.

37 *Hertelendy I. A nyolcvanéves Herczeg Ferenc // A nyolcvanéves Herczeg Ferenc (A magyar írófejedelem életregénye) / szerk. Hertelendy I. Budapest, 1942. 7–122. old.*

38 *Márai S. Herczeg Ferenc tanulmányai // Herczeg Ferenc. 80 év. / szerk. Kornis Gy. Budapest, 1943. 100–101. old.*

39 *Herczeg F. Oroszországi levelek I. // Uj Idők. 1900. № 40. 281. old.*

вал предпочтение настоящим впечатлениям, достоверности наблюдений, любознательному взгляду, желанию удивиться.

В отличие от «Писем из России», строго построенная документальная проза «Готического дома» представляет собой текст, где преобладает взгляд путешественника-писателя, созерцающего окружающий мир сквозь историко-культурную призму, в манере, близкой Рёскину и Эмилю Людвигу. В такой нарратив включается перспектива прошлого и настоящего России, показанная через конкретные памятники (от резиденций династии Романовых и музеев до Киево-Печерской лавры). Дается беспристрастная трактовка болезненных исторических событий, повлиявших на судьбы двух народов – русского и венгерского (например, при описании полотна, изображающего капитуляцию в Вилагоше, которой завершилось венгерское национальное восстание и освободительная борьба против Габсбургов 1848–1849 гг.). Рассказывается о кутежах и пиршестве на подмосковном хуторе цыган в компании графа Комаровского, считавшего себя отпрыском венгерских переселенцев. При всей достоверности описания этот прозаический фрагмент по стилю близок к эссе.

Критики подчеркивают выраженное документальное начало в томах мемуаров, опубликованных при жизни Херцега⁴⁰. Поэт и переводчик Иштван Ваш в воспоминаниях приводит слова венгерского классика XX в., вытесненного по политическим причинам из литературы крупного прозаика Гезы Оттлика, с которым они вместе переживали месяцы штурма Будапешта в 1944–1945 гг. (кстати, в доме на Пашарете, недалеко от виллы Херцега в районе Хювёшвельдь) и который ставил художественные достоинства прозы Херцега несколько выше, «чем было принято» в их «кругах» (под этими «кругами» подразумевались левые интеллектуалы, жившие надеждой на победный приход Красной армии). Оттлик заметил, что Херцег «находчиво редактирует», а его мемуары «Готический дом» возникли как непосредственный результат «трезвого, просвещенного мышления»⁴¹.

Первая часть «Писем из России» (эти путевые очерки, как правило, печатались по три страницы) посвящена картинам Варшавы с повторяющимися как лейтмотив сценами пребывания в городе русских войск (их численность, как конкретизирует автор, составляла 80 тыс. человек). Русских офицеров Херцег называет благородными и обходительными,

40 Ср., например: *Várdai B. Herczeg Ferenc Emlékezései* // *Katolikus Szemle*. 1933. № 12. 473. old.

41 *Vas I. Azután*. Budapest, 1991. К. II. 313. old.

общение с ними – приятным. Даже с учетом того, что он привык видеть на родине, Херцег отмечает опрятную одежду носильщиков и чистоту просторных железнодорожных вокзалов. Мемуарист не обходит молчанием напряженность отношений между Россией и присоединенной к ней Польшей, но обращает внимание на таблички на двух языках и православные храмы в большом католическом городе. Он констатирует, что дворцы Станислава II Августа Понятовского теперь принадлежали «царю всея Руси», однако подчеркивает уважительное отношение новых хозяев к местному населению: «Господа русские все оставляли так, как было при власти поляков»⁴². Иными словами, он приходит к выводу, что «захватчики» не намерены ассимилировать или уничтожать чужую культуру. Херцег с восхищением отзывался о польском балетном ансамбле, созданном еще королем Станиславом.

Пограничный пункт на въезде в Российскую империю в описании путешественника сравнивается с перемещением «из развратной и грязной азиатской провинции» в «европейское культурное государство»⁴³. Предвидя возмущение венгерских читателей, автор добавляет: «Мне жаль, что это так, но я тут ни при чем»⁴⁴. Эксплицитно опровергая отзывы западных путешественников, сообщавших о грубом обращении и притеснениях со стороны русских таможенников, Херцег подчеркивает их «вежливые» и «приятные» манеры. Кратко подмечено, что три московских еврея, разделившие с Херцегом купе, оказались в лучшем положении, чем их варшавские собратья.

Во второй части очерков описывается путь в Санкт-Петербург. Текст начинается с похвальных слов об удобстве российских железных дорог, вокзалов, изящных и шикарных ресторанах. Редкие села напоминают путешественнику скромные русинские деревни, расположенные на северо-востоке Венгрии: они похожи, как «родные братья»⁴⁵. Взгляд литератора порой останавливается на «меланхолических березовых рощах», «воспетых Тургеневым». Петербург, сказочная «Северная Венеция», несмотря на чары и грандиозность, обычно восхищающие посетителя, не впечатляет Херцегу, отмечавшего, что своей суровой «размеренностью», однообразными, прямолинейными проспектами и улицами город скорее вызывает скуку, и причиной тому

42 *Herczeg F. Oroszországi levelek I.* 282. old.

43 *Ibid.* 281. old. “Az osztrák határról érkeztem, s mégis az az érzésem van, mintha Ázsia egyik züllött és mocskos tartományából érkeztem volna egy európai kultúrállam kapujához”.

44 *Ibid.*

45 *Herczeg F. Oroszországi levelek II. // Uj Idők.* 1900. № 41. 309. old.

является, среди прочего, его западноевропейский облик, нерусская архитектура. Повсюду каменные «неприветливые доходные дома», на улицах нет ни одного дерева⁴⁶. «Медный всадник», вызывавший интерес у многих венгерских путешественников⁴⁷, подвергается Херцегом критике: в этом памятнике можно ощутить дух Екатерины II, но не Петра Великого. Ни «непропорциональный» Зимний дворец, ни грандиозных размеров Исаакиевский собор, ни Петропавловская крепость не завоевывают симпатии Херцгеа. В то же время он находит виллы и дачи в окрестностях столицы «весьма оригинальными, пышными и уютными»: все личное для венгерского путешественника становится источником радостного спокойствия. Если верить описанию, ему нетрудно оказалось попасть в выделенные для посещения части императорских дворцов, где он поручался услужливым и безукоризненно вежливым лакеям, которые сопровождали его по бесконечным коридорам, покоям и залам и порою были даже расположены «показать спальни и ванны комнаты царевен». При описании увиденного Херцг избегает чрезмерной сдержанности или, напротив, преувеличений. Он искренне рассказывает в мемуарах и очерках даже о событиях личной жизни. Херцг, некогда познавший нужду, отмечает отсутствие расчетливости, характеризующее русское гостеприимство: «Входной платы нигде не берут [...], даже в музеях». Он чувствует досаду при виде некоторых экспонатов, в частности, военных трофеев, захваченных русскими войсками в Венгрии в 1849 г., но тем не менее, сохраняя пацифистскую позицию, призывает читателя рассуждать объективно: несомненно, другие нации, как и русские, проводят завоевательную политику. И далее с немалой – и явно небезосновательной – долей оптимизма он отзывается о миротворческой политике Николая II, которым «была сформулирована идея всеобщего разоружения»⁴⁸. Впечатлившись творениями В. Верещагина и И. Репина, Херцг вспоминает картину известного художника-баталиста Б. Виллвеальде, на которой изображена сцена сложения оружия генералом А. Гергеи в 1849 г.: дисциплинированность капитулирующих офицеров и отчаяние рядовых венгерской армии вызывают у русских уважение. Разумеется, Херцг, как убежденный патриот, болезненно относился к этому трагическому событию венгерской истории. Осматривая коллекции Эрмитажа, Херцг позволяет себе скептически

46 Ibid. 309. old.

47 Подробнее см.: *Niederhauser E. Magyar utazók...* 143. old.

48 *Herczeg F. Oroszországi levelek* II. 309–310. old.

заметить, что хранящиеся там шедевры не имеют ничего общего с русским искусством, которое, в свою очередь, он торжественно восхваляет, предсказывая ему великое будущее и подчеркивая самобытность, многоцветность и разнообразие орнаментов, характеризующие народное изобразительное искусство и зодчество. Венгерский писатель, осматривая творения современных ему молодых художников, выставленные в залах «Александровского музея» (вероятно, Херцег ошибочно называет так Русский музей, созданный на основе коллекции императора Александра III и открытый для посетителей в 1898 г.), восхищенно восклицает: «Какая страшная сила, какая варварская отважность, какая православная оригинальность!»⁴⁹ В столице он с удовлетворением обнаруживает новый феномен «национальной реакции»⁵⁰, связанный с возрождением национального духа после двухвекового, начиная с эпохи Петра Великого, перманентного воздействия западной культуры на русскую.

«Письма из России» заканчиваются описанием экскурсии в Выборг и паровой прогулки по Саймскому каналу; конкретная цель этой части поездки, однако, остается в тени, о ней можно лишь догадываться. Из зафиксированных впечатлений и затронутых в тексте вопросов становится ясно, что особое значение автор придает проблемам национальной политики и судьбам разных народов в Российской империи. С приятным удивлением сообщая читателю, что в Финляндии всего 5 000 человек признает русский язык родным, Херцег объясняет этот факт уникальной степенью толерантности, проявляемой, по его мнению, по отношению к национальным меньшинствам в стране: «Это возможно лишь при наличии такого весьма терпеливого, до бесконечности благодушного общества, каким является русское»⁵¹. Продолжая размышлять над национальным вопросом в Российской империи, Херцег приводит другой интересный пример: на Украине земли находятся в руках польских землевладельцев, которые «не знают

49 Ibid. 311. old.

50 Ibid.

51 *Herczeg F. Oroszországi levelek III. // Uj Idők. 1900. № 43. 857. old.* Можно привести статистику того времени: согласно Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., на данные которой, наверняка, ссылается и «Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона», русские и немецкие жители составили всего лишь около 11 % граждан в населенном преимущественно финнами (68 %), и шведами (21 %) Выборге, в городе, который фактически находился уже чуть ли не 200 лет под русским господством. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1890–1907. Т. VII. С. 467–468.

русский язык и не намерены знать его»⁵². Финляндия, подчеркивается в очерке, обладает самостоятельной железнодорожной компанией, у нее имеется собственная валюта. Херцега, несмотря на особый статус Финляндии в составе Российской империи, тревожило происходившее тогда ограничение привилегий этого княжества (именно в это время начинается русификация Финляндии по инициативе генерал-губернатора Н. И. Бобрíkова, но об этом Херцег не упоминает), однако он приходит к выводу, что «в Российской Империи никто не шовинист в политическом или действительном смысле слова, в худшем случае – государственная власть»⁵³. Благодаря немецкой архитектуре Выборг воспринимался писателем как родной, уютный⁵⁴; он любовался изящным парком Монрепо с павильонами, оранжереями, островками, памятниками и обелисками, который Павел I подарил своему воспитателю Л. Г. Николаи, впоследствии продолжившему ухаживать за этим прекрасным местом.

В книге Миклоша Шураньи, представляющей собой первую крупную биографию Херцега, излагаются и комментируются факты его путешествия по России. Жизнеописание написано с опорой на сведения, почерпнутые из личных разговоров с писателем. До появления мемуаров «Готический дом» в распоряжении биографа были только путевые очерки, напечатанные в 1900 г. Согласно его интерпретации, Херцег отправился в поездку по России, чтобы полюбоваться «замечательной и мистической страной», которая подарила миру «шедевры» Тургенева, Достоевского и Л. Н. Толстого: «На его развитие как писателя, – утверждает Шураньи, – величайшее влияние оказали русские: в силу этого понятно, что он хотел посмотреть на живых прототипов героев Толстого своими глазами, посетил Санкт-Петербург, Москву, Киев, Одессу и привез домой глубокие впечатления из отечества величайших добродетелей и величайших грехов». Умеренность тона биографа, комментирующего впечатления Херцега о России, очевидно, обусловлена необходимостью учитывать исторические события недавнего прошлого, Шураньи говорит о Старой России. В то же время он четко различает литературное влияние и отношение Херцега к стране: «Это влияние проявилось не в его писательском стиле или темах, его отношение к России скорее похоже на отношение Гете к некоторым любимым книгам: он находил там мало чему учиться, но после того,

52 *Herczeg F. Oroszországi levelek III.*

53 *Ibid.* 358 old.

54 *Ibid.*

как объехал Империю царя, его сознание стало другим, расширилось, обогатилось». Эта духовная метаморфоза оказала решающее влияние на жизнь Херцега. Гонимый страстью к путешествиям, Ф. Херцег побывал во многих странах Европы, почти 13 лет ходил под парусом по Средиземному и Ионическому морям на собственной яхте. Сохранились его дневниковые записи о совместном круизе с четой Балла в 1926 г., во время которого они посетили приморские города Италии, Франции и Испании. Однако на первом месте для писателя оставалось путешествие по России, где им непрерывно поднимались столь волновавшие его национальные вопросы⁵⁵.

В «Готическом доме» Херцег описывает путешествие в Россию 40-летней давности. Рассказ о поездке сопровождается многочисленными авторскими рассуждениями. И хотя читатель может четко выделить последовательность отдельных этапов маршрута, описание выстраивается по тематическому принципу, а не в хронологической последовательности; Херцег систематизирует свои разнообразные впечатления, и в этой системе уравниваются рациональное и эмоциональное, личное и универсальное начала. Из посещенных мемуаристом городов упоминаются лишь Петербург, Москва и Киев. Автор, основываясь на собственных впечатлениях, противопоставляет Москву и Санкт-Петербург, отмечая различие культурных парадигм, проявляющееся и в искусстве, и в повседневности.

Образ медведя, амбивалентного символа России, в тексте несет положительную оценку. Херцег рассказывает, что сразу по приезде в Петербург толпу пассажиров как по команде окружают казаки в папах из медвежьей шкуры. Их суровый вид вызывает страх, но это первое впечатление постепенно «стирается», и далее Херцег пишет: «Мы убеждались, что русский человек обычно добродушен, ленив, любопытен и очень любит получить на чай». В данной характеристике перечисляются и менее лестные качества, но общая картина получается положительной. Вслед за беглым пересказом первых впечатлений мемуарист приступает к художественному изложению, в котором пренебрегает традиционным чередованием описательных частей и авторских отступлений: события служат только подтверждениями аккуратно и тонко преподносимых концепций.

Херцег выделяет дуалистическое начало русской культуры, которое оказало ключевое влияние на развитие «русской идеи» и политической мысли: «Можно различить два враждующих между собой

55 *Surányi M. Herczeg Ferenc... 60. old.*

культурных слоя – москвитянско-азиатский и прусско-европейский, типа петровского, которые сталкивались друг с другом»⁵⁶.

Вызывая ассоциации с романом Андрея Белого «Петербург», появившегося спустя десять лет после его путешествия, Херцег выделяет два начала русской культуры, проявление которых видит в обликах Санкт-Петербурга и Москвы. Он указывает на различия в планировке и архитектуре двух городов: прямолинейность Санкт-Петербурга («Петра творения») противопоставляется «извилистым» улицам Москвы. Цветовая гамма Санкт-Петербурга – штукатурка зеленого и табачного, коричневого цвета, пасмурное небо; Москвы – красные, зеленые и белые стены, золотые луковичные главы соборов, сияющие в вечернем свете. На Воробьевых горах, там, где дали легендарную клятву Герцен и Огарев, Херцега озаряет мысль об осязаемости и постигаемости одного из сакральных принципов русской культуры: «Когда с вершины Воробьевых гор всматриваешься в лес золотых, огненных куполов, сверкающих в вечернем свете, и слушаешь звон тысяч колоколов, начинаешь понимать, почему город назван матушкой Москвой и сочтен священным»⁵⁷.

Херцег также обращается к общеизвестным для венгерского читателя образам, например, отмечает сходство венгерского города Дебрецена с Москвой, о чем нередко писали венгерские путешественники. Далее писатель возвращается к теме религиозности, проникающей во все уголки русской жизни, пересказывая сюжет, описанный в путевых очерках. Ему посчастливилось лично присутствовать на полевой церковной службе, проводившейся в присутствии императора Николая II, и на последовавшем за ней «блестящем военном параде». Путешественнику трудно было не отдаться чувству «фанатического восторга»⁵⁸. Это ощущение сохраняется и в Петербурге. Фигура императора сакральна, а его власть «опирается на его армию и православную церковь»⁵⁹. Как далекий наблюдатель, внимательно следивший за судьбой России в течение почти сорока лет после своего путешествия, Херцег горько констатирует: «Если бы тогда кто-нибудь

56 *Herczeg F.* A gótikus ház. 146. old.

57 *Ibid.* 177. old.

58 Такое словосочетание совершенно неслучайно попадает в текст, ибо этимология слова «фанатизм» в статье энциклопедического словаря *Új Idők lexikona* («Энциклопедия новых времен»), редактируемого как раз Херцегом, возведена к корню с семантикой «сакральный, сакральное место». Ср. статьи *Fanum* и *Fanatizmus* в: *Új Idők lexikona* / szerk. *Herczeg F.* 9. kötet. Budapest, 1938. 2087., 2089. old.

59 *Herczeg F.* A gótikus ház. 178. old.

сказал мне, что вся эта блестящая картина вкупе с царем, генеральным штабом и епископатом будет утопать в грязи и крови, я бы непременно посмотрел на него как на сумасшедшего»⁶⁰.

За этим замечанием следует уже упомянутое размышление об экспонатах Зимнего дворца – памятниках венгерской освободительной борьбы. Несмотря на то, что Херцег ставит акцент на тактичности русских и их критике в адрес бывшего союзника – «неблагодарной Австрии», в этот момент его охватывает чувство протеста, провоцируемое духом милитаризма в Российской империи.

Херцег не оказывается во власти религиозного порыва, но его поиски сосредоточены на проявлениях религиозности в России. Он старается объективно рассматривать роль православной веры в жизни русского человека. В Александро-Невской лавре Херцег, слушая монашеский «лучший вокальный хор мира», с некоторым разочарованием делает замечание об обстоятельствах принятия этих монахов в монастырь (при этом употребляется слово «ангажемент»), о высоком жалованье, о поведении, более характерном для избалованных актеров или цирковых артистов, говорит о «хихикающих» на дворе и в аркадах «девицах»⁶¹. Подобные впечатления испытывает Херцег и в Киеве: отправившись в пещеры Киево-Печерской лавры, он сообщает о своем безмолвном потрясении, вызванном кощунством экскурсовода-монаха, беззастенчиво прикоснувшегося к святым мощам. Писатель рассматривает фрески киевского Владимирского собора, выполненные в 1885–1896 гг. В. М. Васнецовым; величественная роспись на западной стене («Страшный суд») заставляет его всерьез задуматься. Но искомого он здесь не находит: «Это не дом благоговения, это скорее лишь дом художеств»⁶².

Признание отсутствия духовности в России заставляет Херцего задуматься о процессах, происходивших тогда в обществе. Он осознает, что вместо изображения действительности современные ему русские художники считали нужным ее переосмыслить. Писатель отмечает важность роли представителей искусства и литературы в жизни страны и приходит к лишь отчасти справедливому, но меткому заключению, подобному выводу В. В. Розанова. Если последний после революции 1917 г. обвинил в ней писателей и поэтов, взвалив на них ответственность за произошедшее, то Херцег считал их виновными

60 Ibid.

61 Ibid. 179. old.

62 Ibid. 181. old.

в распространении чувства недовольства, веры в неизбежность революции, в ее предречении: «Новая москвитянская культура всецело борется с “*ancienne régime*” (sic!) (со старым порядком. – Д. З. Й.), то есть с порядком царской империи. Писатели и художники создали такую атмосферу, в которой старое аристократическое общество вынуждено будет погибнуть. Эта атмосфера переполнена дьявольским недовольством, ожиданием трагического, сдавленной тишиной, предвещающей бурю. Художники и писатели фанатически распространяют убеждение, что “в России что-то должно случиться”»⁶³.

Херцег считал, что русские художники не до конца понимали значимость «пафоса» исторического развития России, сосредотачиваясь на изображении «заурядного, дефективного, даже животного». Несмотря на редкую эрудированность, он не имел возможности углубиться в изучение особенностей отношений между царем и народом, складывавшихся в течение веков, но его позиция заслуживает внимания. Херцег упоминает монументальную картину И. Репина «Прием волостных старшин Александром III во дворе Петровского дворца в Москве» (1886), висевшую тогда в аванзале Большого Кремлевского дворца. Улавливая контраст между образами Александра III (писатель сравнил его с «тучным, закормленным пламенным быком с розовым и пустым лицом») и крестьян, «облаченных в тусклые зипуны», с «апостольскими головами, облагороженными мукой», Херцег замечает: «Нельзя представить себе противопоставление, более подстрекающее к мятежу. Царю, однако, оно понравилось, он заплатил художнику и приказал повесить картину в собственном дворце»⁶⁴.

Херцег совершал путешествие ради разгадки тайн «северного Сфинкса», как он называет Россию, однако его преимущественно восхищенное представление общественно-политической ситуации в стране иногда «разбавляется» описаниями фарсовых сцен. Херцега удивил скандал, произошедший в украиноязычном театре Киева, когда спектакль был прерван пьяным офицером. Эта история в сознании Херцега воспринимается как проявление некоего вмешательства вроде *Deus ex machina*.

Херцег рассказывает о знакомстве с графом Павлом Комаровским, проживавшим в имении под Орлом. Это знакомство приобретает для писателя особую значимость благодаря той роли, которую родственники Комаровского играли, занимая ключевые дипломатические

63 Ibid.

64 Ibid. 183. old.

и министерские посты (этот факт Херцег умалчивает, хотя, по всей вероятности, соответствующие сведения были в его распоряжении). Писатель отправил Комаровскому рекомендательное письмо от одного знакомого венгерского землевладельца из родной области Бачка. Рассказ о щедром гостеприимстве графа начинается с эпизода, как нау-тро после заселения в гостиницу швейцар учтиво осведомляет Хер-цега, что он гость графа Комаровского, который в тот же вечер лично с ним знакомится. Они вместе смотрят спектакль «Евгений Онегин» в Большом театре. Описанию этой встречи и бесед в мемуарах уделе-но несколько страниц, что свидетельствует о важности и приятности знакомства. Из содержательных разговоров с Комаровским Херцег, по-видимому, получал информацию о прошлом и настоящем России. Странные обстоятельства убийства графа Комаровского, случивше-гося несколько лет спустя в Венеции и вызвавшего в международной прессе разные догадки, серьезно озадачили Херцега⁶⁵.

Иштван Хертеленди, редактор сборника, вышедшего в 1942 г., в котором содержались поздравительные тексты современников, дру-зей, актеров, театральных деятелей, братьев по перу в честь «писате-ля-князя», во вступлении очерчивает биографию писателя, очевидно, заимствуя некоторые сведения из второго тома «Воспоминаний». Хер-теленди замечает, что Херцег везде целенаправленно обнаруживает сходства между венгерским и русским народами: «В Москве Херце-гу думается, что он видит Дебрецен в страшно разросшейся, азиат-ской и более космополитической форме. В целом его везде удивляет схожесть венгерской и русской души»⁶⁶.

Источники и литература

Херцег Ф. Болотный цветок // Русский вестник. 1897. № 7. С. 249–282; № 8. С. 146–182.

Херцег Ф. Житя, смерть, любовь. Ужгород: Подкарпатское общество наук, 1943. 105 с.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, 1890–1907. Т. 1–86.

Cs. Szabó L. Sola constantia constans // Herczeg Ferenc. 80 év / szerk. Kornis Gy. Budapest: Új Idők Irodalmi Intézet, 1943. 111–116. o.

⁶⁵ Ibid. 185–189. old.

⁶⁶ Hertelendy I. A nyolcvanéves Herczeg Ferenc. 97. old.

Herczeg Ferenc munkássága / Fitz J. (összeáll). Budapest: Új Idők Irodalmi Intézet; Singer és Wolfner kiadás, 1944. 255–367 [113] o.

Herczeg F. A gótikus ház. Budapest: Singer és Wolfner Irodalmi Intézet, 1940. 316 o.

Herczeg F. Emlékezései / szerk. Németh G. Béla. Budapest: Szépirodalmi kiadó, 1985. 478 o.

Herczeg F. Emlékezései: Hűvösvölgy. Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó, 1993. 267 o.

Herczeg F. Honvédszászlók Moszkvában // Vasárnapi Újság. 1903. aug. 16. 725. o.

Herczeg F. Moszkvai álmodozások // Az Ujság. 1904. aug. 1. (II). 218. o.

Herczeg F. Oroszországi levelek I. // Új Idők. 1900. № 40. 281–283. o.

Herczeg F. Oroszországi levelek II. // Új Idők. 1900. № 41. 309–311. o.

Herczeg F. Oroszországi levelek III. // Új Idők. 1900. № 43. 857–859. o.

Herczeg F. Tizenhárom levél // Budapesti Hírlap. 1895. nov. 16. (№ 314). 1–3. o.

Hertelendy I. A nyolcvanéves Herczeg Ferenc // A nyolcvanéves Herczeg Ferenc (A magyar írófejedelem életregénye) / szerk. Hertelendy I. Budapest: Balogfalvi dr. Czóbel Elemér kiadása, 1942. 7–122. o.

Kornis Gy. Herczeg Ferenc. Budapest: Singer és Wolfner, 1944. 370 o.

Márai S. Herczeg Ferenc tanulmányai // Herczeg Ferenc. 80 év. / szerk. Kornis Gy. Budapest: Új Idők Irodalmi Intézet, 1943. 97–108. o.

Niederhauser E. Magyar utazók Oroszországban a XIX. században // Magyar-orsz történelmi kapcsolatok / szerk. Kovács E. Budapest: Művelt Nép kiadó, 1956. 131–168. o.

Schöpflin A. Herczeg Ferenc elbeszélései // Herczeg Ferenc. 80 év / szerk. Kornis Gy. Budapest: Új Idők Irodalmi Intézet, 1943. 25–45. o.

Surányi M. Herczeg Ferenc: életrajz. Budapest: Singer és Wolfner Irodalmi Intézet, 1925. 183 o.

Thun A. A nihilisták – az orosz forradalmi mozgalmak története / Ford. Szentgyörgyi Vörös Dezső. Budapest: Atheneum, 1894. 383 o.

Új Idők lexikona / szerk. Herczeg Ferenc. 1–24. kötet. Budapest: Singer és Wolfner Irodalmi Intézet, 1936–1942.

Várdai B. Herczeg Ferenc Emlékezései // Katolikus Szemle. 1933. № 12. 473–475. o.

Vas I. Azután. Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó, 1991. K. II. 313. o.

Vay P., Gróf. Kelet császárai és császárságai. Budapest: Franklin, 1906. 465 o.

References

- Cs. Szabó, L. “Sola constantia constans.” *Herczeg Ferenc. 80 év / szerk. Kornis Gy.* Budapest: Új Idők Irodalmi Intézet, 1943, pp. 111–116.
- Fitz, J. (ed.). *Herczeg Ferenc munkássága.* Budapest: Új Idők Irodalmi Intézet, Singer és Wolfner kiadás, 1944, pp. 255–367 [113].
- Herczeg, F. *A gótikus ház.* Budapest: Singer és Wolfner Irodalmi Intézet, 1940, 316 p.
- Herczeg, F. *Emlékezései*, szerk. Németh G. Béla. Budapest: Szépirodalmi kiadó, 1985, 478 p.
- Herczeg, F. *Emlékezései: Hílvösvölgy.* Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó, 1993, 267 p.
- Herczeg, F. *Zhittia, smert', liubov'.* Uzhgorod: Podkarpatskoe obshchestvo nauk, 1943, 105 p.
- Hertelendy, I. “A nyolcvanéves Herczeg Ferenc.” *A nyolcvanéves Herczeg Ferenc (A magyar írófejedelem életregénye)*, szerk. Hertelendy I. Budapest: Balogfalvi dr. Czóbel Elemér kiadása, 1942, pp. 7–122.
- Kornis, Gy. *Herczeg Ferenc.* Budapest: Singer és Wolfner, 1944, 370 p.
- Márai, S. “Herczeg Ferenc tanulmányai.” *Herczeg Ferenc. 80 év., szerk. Kornis Gy.* Budapest: Új Idők Irodalmi Intézet, 1943, pp. 97–108.
- Niederhauser, E. “Magyar utazók Oroszországban a XIX. században.” *Magyar-orsz történelmi kapcsolatok*, szerk. Kovács E. Budapest: Művelt Nép kiadó, 1956, pp. 131–168.
- Schöpfli, A. “Herczeg Ferenc elbeszélései.” *Herczeg Ferenc. 80 év, szerk. Kornis Gy.* Budapest: Új Idők Irodalmi Intézet, 1943, pp. 25–45.
- Surányi, M. *Herczeg Ferenc: életrajz.* Budapest: Singer és Wolfner Irodalmi Intézet, 1925, 183 p.
- Új Idők lexikona*, szerk. Herczeg F. Vols. 1–24. Budapest: Singer és Wolfner Irodalmi Intézet, 1936–1942.
- “Várdai Béla Herczeg Ferenc Emlékezései.” *Katolikus Szemle*, 1933, No 12, pp. 473–475.
- Vas, I. *Azután.* Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó, 1991, Vol. II, 313 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.14

Gy. Z. Jόzsа

Late 19th – Early 20th Century Russia in Ferenc Herczeg’s Travelogues

Jόzsа Gyόrgy Zoltán
 PhD, independent researcher
 Budapest, Hungary
 E-mail: jozsagy@z@gmail.com
 ORCID: 0000-0002-4803-6286

Citation

Jόzsа Gy. Z. Late 19th – Early 20th Century Russia in Ferenc Herczeg’s Travelogues // *Slavic Almanac*. 2025. No 3–4. P. 269–295 (in Russian).
 DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.14

Received: 16.05.2025.

Revised: 30.07.2025.

Accepted: 16.09.2025.

Abstract

The paper aims to introduce Ferenc Herczeg to contemporary Russian public and scholars by presenting a detailed survey of narratives generated by his journey to the Russian Empire in 1900. Herczeg, a primordial conservative, the celebrated ‘prince writer’, who enjoyed tremendous popularity in his native country in the first half of the 20th century, turns out to have been an ardent Russophile, a dedicated and refined admirer of Russian culture (alongside with numerous of his compatriots visiting the Russian empire at the time). His journey was supported by the diplomatic corps of the Austro-Hungarian Monarchy. Herczeg, who was subsequently erased from Hungarian literary canon from 1945 on due to political circumstances, though he was not implicated in any political or war crimes, is just being rediscovered by scholars in Hungary. According to his travelogues Herczeg was greatly impressed by what he saw in Nicholas II’s empire. He reevaluated 1849’s political clashes between Hungary and Russia, touched upon the sacred key-note of Russian culture and literature, and, last but not least, provided a profound and true account of the two streams of Russian culture. Furthermore, Herczeg’s detached view of Russia, which is later also amply reflected in his theoretical and public discourse, is also prompted by his readings: not only did he proclaim Dostoevsky as an author who pre-eminently influenced his own writings, but he was fascinated with the works of L. Tolstoy, Turgenev, Pushkin, Merezhkovsky and Gorky as well. Coming from a family of Silesian German origin, Herczeg’s specific ideas and experience concerning alternatives of policy in respect of nationalities in his own country vs Russia give an interesting insight into contemporary state of affairs. The traveller’s personal acquaintance with count Komarovsky, a Russian nobleman, whose ancestors had held key positions in diplomacy and domestic affairs, their conversations in Moscow offered him an opportunity to familiarise himself with Russia’s past and present.

Keywords

Travel narratives on Russia, Ferenc Herczeg, Hungarian-Russian relations, Russia’s culture and politics, the genre of culturological travelogues, the reception of Russian culture at the turn of the two centuries, national stereotypes.